

ДЕНЕЖКИН

ЗВОН

5 июня 2017 года
Североуральск

Уралу посвящается...

СТИХИ

Денежкин Камень

Зима прошла, за белыми горами.
Давно уж потерялся ее след.
А Денежкин ещё укрыт снегами.
Спит очень сладко этот старый Дед.

Пора б проснуться и порой рассветной
Позвать тепло, Весну-красну.
И снега одеяло дымкой светлой
Откинуть вдаль, открыв траву.

Букашек разогнать, спугнуть кукушку.
И колокольчиков услышать первый звон.
И, обнажив, камениев макушку.
Вздохнуть ручьем, издав потоков стон.

Открыться солнцу, улыбнуться ветру;
И сок березовый, живой, испить
Добавить, неспеша, иголок кедра.
Встречать рассветы, продолжая жить.

ВЛАД АДАШЕВ

«Тренькино счастье»

(Североуральскому краеведу Ю. Н. Сысуеву)

Первые дальние-дальние звонцы
Плавно над лесом летят.
Вот и оно – заозёрное солнце,
Отче груздей и опять!

Всё! Просыпайтесь, речные наяды,
Хватит заоблачных снов,
Эти изгибы оденьте в наряды
Самых душистых цветов.

Хной изумрудной поярче раскрасьте
Синий предгорный кафтан.
Вишь, распускается Тренькино счастье
В сердце таёжных полян!

И разливает по жилам снадобья
Прежних полуденных сил,
Больше не глянешь на мир исподлобья
Коли той чаши испил.

Чаши истока, и чаши рассвета,
И стержневого пути,
Доля, межа, не пройдённая мета –
Нам ещё долго идти.

Слышишь, как веют лесные эолы,
Как зарождается быль,
Тренькино счастье – пахучие смолы
Смыли душевную пыль.

Дали, гляди-ка, уже светлооки,
Ноша, смотри-ка, легка.
Пусть перекаты ручьёв неглубоки –
Жизнь здесь, мой друг, глубока!

***

Довольно грезить сонными морями
И золотым песком далёких стран,
Когда простором синим перед вами
Раскинулся Таёжный океан!
Когда простором синим перед вами
Раскинулся Таёжный океан!
Пусть где-то крики чаек над волнами
Покоя капитанам не дают, –
Здесь тоже и ветра шумят над нами,
И сосны корабельные поют.
Здесь тоже и ветра шумят над нами,
И мачты корабельные поют.
Кого-то океан зовёт Индийский,
Кого-то манит Средиземный рай,
А для меня ты – лучший порт приписки,
– Ваграноморский мой таёжный край!
А для меня ты – лучший порт приписки,
– Ваграноморский мой заветный край!
Измерить пульс на Жигаланских тропях –
Не в городе полоску перейти...
Но мне на этих северных широтах
Со многими, я знаю, по пути.
А мне на этих солнечных широтах
Со многими, я знаю, по пути.

«У северного ручья»

Все спешат непременно на юг.
Ну а я – на уральский север!
Где ещё под суровый плуг
Не попал доверчивый клевер.

Где ещё не губила рука
Ни «солдатиков», ни «купавниц»,
И хмелеют взоры слегка
От ромашек – лесных забавниц.

Паутинка скользнёт по лицу,
Засмеётся в траве медуница,
Как же сладко здесь беглецу
Из живого ручья напиться!

И от шумных цепей городских, От
удушливых стен, и тоски,
В тихом храме лесном укрыться...

«В краю озёр хрустальных»

У созвездия горных хрустальных озёр,
Над поляною золототканой,
Повстречал меня осени первый дозор
Улетающей дымкой туманной.

Заиграв над макушками сосен-свечей,
Стал и глубже закат и полнее,
И сливается с песней здесь каждый ручей,
Оттого и на сердце светлее!

Вечер выстроил облики горных копров
Уходящим в зарю караваном,
И понятней становятся песни без слов,
Что шумят над лесным океаном!

Вслед за ними плывут облака-корабли,
И, с осенним пылающим взглядом,
Всё колдует какой-то волшебник вдали
Над таёжным уральским нарядом.

«С неба падают снежинки»

С неба падают снежинки, как перовые пушинки.
С неба падают снежинки, как слова в моих мечтах.
Одевается планета белым шарфиком поэта.
Всё легко кругом и чисто,
Славно мне глядеть в лучистость
Глаз зимы.
С неба падают снежинки, как перовые пушинки...

«Осеннее»

Осень дождями умытая, Броши рябины надев, Смотрит с тоской на, опавшие Листья в траве, у дерев. Тучи по небу проносятся, Ветер их рвет на клочки, Клюква с брусникой невестятся, Уж покраснели бочки. Лес потемнел и осунулся,	Нет щебетанья... притих, Носа не сунешь на улицу, Даже петух не кричит. Замерли все и попрятались В норки свои и сидят, Слушают дождика капельки Под завыванье волчат. Холодно, страшно на улице, Хочется света, тепла... Но ничего не поделаешь, Осень диктует права.
--	--

«Первый снег»

Вот и осень распрощалась с нами,
Помахала желтеньким платком.
Ветер налетел, снегами запорошило кругом.
Вся земля преобразилась, поменяла свой убор.
В белых шубах ели встали, с одеялом косогор.
Всё кругом светло и чинно, красота и благодать.
Со спокойною душою можно зимушку встречать.

Ночь

Ночь опрокинулась над лесом,
и наступила тишина...
На небо выплыла принцессой
девчонка рыжая – Луна
Прошлась легко над дальним бором,
и окунулась в облака.
Запела тихим перебором
ей колыбельную река.
Затихло ночью все живое,
свеча сгорает на столе,
И веток кружево седое
застыло на седом стекле
Лишь только забияка-ветер
стучится в мёрзлое окно,
И, при свечи неярком свете,
напоминает о былом.

ПЕСНИ

Дождик капает сверху вниз,
Капли бьются о карниз,
Но не стану плакать я,
Ведь со мной мои друзья!
И даже в дождик
Я вижу небо голубое,
Я вижу солнце золотое,
Я вижу коричневую лужу.
Я в нее стою, гляжу
И себя я вижу
И все что я вижу вокруг себя
Это мой мир и моя земля.
И все что я вижу вокруг себя
Это мой дом и моя семья!

Горы Урала на нас глядят
Денежкин, Кумба гордо стоят.
Павел Бажов о них сказы писал.
Круче всех родной Урал!
(И все вместе!)
Я вижу небо голубое,
Я вижу солнце золотое,
Я вижу коричневую лужу.
Я в нее стою, гляжу
И себя я вижу
И все что я вижу вокруг себя
Это мой мир и моя земля.
И все что я вижу вокруг себя
Это мой дом и моя семья!

Горные реки славный Вагран.
Сосны и ели, утром туман
Солнце восходит надежду даря
Славься Русская земля!
Ведь даже в дождик
Мы видим небо голубое
Мы видим Солнце золотое
Мы вместе разгоним злые тучи
И на небе нам всегда светит
Солнца лучик!

Светлое озеро.

А на озере Светлом рассветы,
В облаках теряется просинь.
Испаряется бабье лето,
И вступает в права осень.
Разноцветный поток листьев
Льет на землю свои слезы,
И рябины горят кисти,
И звенят на заре росы.

А на озере Светлом закаты,
В алом зареве в полнеба.
Как жар-птицы летят куда-то,
В те края, где никто не был.
Солнце прячет лицо в горы,
Завершая свой круг вечный.
И в объятьях седых сосен
Оплывают берез свечи.

А на озере Светлом люди,
Как вода их чисты души.
Сколько знает оно судеб...
Мы становимся здесь лучше.
Я смотрюсь в него, не мигая,
Глубину разглядеть нетрудно.
Словно эта вода – живая
И способна творить чудо...

Осень.

Золотая, золотая
Осень листьями играет.
Улетают птичьи стаи...
В это время я мечтаю!
Отражаясь в мокрых крышах,
Солнце катится все выше.
Все вокруг перевернула
Золотая осень.

Подставляя небу спину,
Клин взлетает журавлиный.
Мне бы лет пятнадцать скинуть,
Да за ним вдогонку двинуть
По бескрайнему по небу,
В те края, где быль как небыль.
Что ж, давай сыграем в прятки,
Золотая осень.

А когда застынут лужи,
А когда зима завьюжит,
А когда в больную душу
Заползет змеёю стужа,
Я глаза рукой прикрою,
Вспомню небо голубое –
И опять с тобой увижусь,
Золотая осень.

Вальс о времени и о себе.

Наш бурный век отсчитывает мили,
Бежим, спешим мы, время торопя.
Так, в спешке, полюбили, разлюбили,
По каплям разбазарили себя.

Мы небо видим через тучи пыли,
Затянутое сетью проводов.
А звезды, звезды как-то позабылись,
Нам не до них, мы пленники часов.

А время сыплет мелкие секунды,
Отмеривает долгие часы;
И как же нам порой бывает трудно
Отвлечься от бездумной суеты.

Залюбоваться розовым закатом,
Усталость скинуть и упасть в траву,
И, перестав следить за циферблатом,
Глазами погрузиться в синеву.

И с рюкзаком, с гитарой за плечами
Уйти в леса тропинкою крутой,
Чтоб посидеть вокруг костра с друзьями,
Испить из родника воды святой.

Поднять в горы и, раскинув руки,
Застыть над миром, чувствуя века,
Прожить мгновенье радости и муки,
Услышать ветра гул по облакам...

Болгария

А в Болгарии много света,
Удивительная страна!
Здесь, наверное, полгода – лето,
А еще полгода – весна!
Если ветер, то теплый-теплый,
Если солнце, то через край.
Отражается море в стеклах
И зовет, обещая рай.

Но ждет меня моя родина –
Сердце лесов и скал.
Ожерелье смородины,
Камни вместо песка.
Там родник разговорчивый
Путь себе отыскал.
Тихая моя родина –
Мой суровый Урал.

А на родине мало света,
Много вьюжных холодных зим.
Там, наверное, месяц лета –
Из двенадцати лишь один.
Там неласково светит солнце,
Горы хмурятся в облаках,
Среди леса – озер оконца,
И рябины по берегам.

Но ждет меня моя родина –
Сердце лесов и скал.
Ожерелье смородины,
Камни вместо песка.
Там родник разговорчивый
Путь себе отыскал.
Я люблю тебя, родина, –
Мой суровый Урал.

ИГОРЬ МАЛИКОВ

Я люблю тебя, Россия.

*Сонные дома, иду я на работу,
Тетя Катя - дворник – как будто не спала...
Я поздороваюсь. Спрошу, шутя: «Добавил снег заботы?»
Она кивнет: «Обязанность моя».
Я преклоняюсь перед ней, ведь столько лет, а все работать -
Послевоенных лет да нынешних закалка дней.
Давно бы отдыхать пора, да неохота...
Дай бог и нам, друзья, дожить до этих дней.*

Я не устану петь о том, как я люблю Россию,
И не настанет день, когда ее я разлюблю.
Мне дорог каждый уголок, куда судьба носила.
Я люблю тебя, Россия, я тебя люблю.
Не победить тебя войной, не взять тебя руками,
И даже пряником тебя, увы, не заманить.
По-своему честна, по-своему упряма,
Ну как же мне, Россия, тебя не полюбить.
И утро радует меня улыбками прохожих,
Хороший день начнется, если сам его начну.
Лишь только лень рождает страх – непобедим, кто может
С улыбкой, искренне быть верным делу своему.
Мне повезло, друзья, что я в такой стране родился,
И умереть в такой стране нисколько не боюсь.
Оставлю след, пусть не большой, но будет чем гордиться
Я патриот своей страны. Я тем уже горжусь.

НЕУЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ
ЗАПОВЕДНЫХ ЛЮДЕЙ

КОНСТАНТИН ВОЗЬМИТЕЛЬ

Из жизни растений

Синие цветки незабудок печально глядели в окно. Они тянулись к дневному цвету своими тоненькими стебельками. Там, за окном, было солнце, зелёный луг, росли деревья. Ветки сирени отвернулись в другую от незабудок сторону. Они так долго жили в одном стакане, что сильно надоели друг другу. Сирень поникла головой, и уткнулась цветками в стол. Им было всё равно – синее небо, синие незабудки, синяя скатерть. На стене размеренно тукали ходики.

В первый день, когда букет поставили на стол, цветы вертели своими головками в разные стороны. Так было им всё интересно! Картины на стенах, тихая музыка. Эта музыка не была похожа на жу-жу, к которому привыкли цветы. Она была как лёгкий ветерок, как тёплый дождь. Цветы глазели во все стороны, и говорили тихо: - Ах-xxx! От этого комната наполнялась нежным ароматом.

Но что за жизнь в стакане? В стакане жизни – двести граммов. И через несколько дней цветы лежали вниз головой в мусорном ведре.

* * * * *

Из рамки, что висела на стене, цветным отражением лета, смотрели в комнату цветы сирени и незабудок. Они были, как живые, и от этого в комнате пахло летом. Мороз заглядывал с улицы в комнату, смотрел на картину, и в оконной раме, на стекле, вдруг расцветали букеты, вытканые тонкими иголочками льда. За столом, покрытым синей скатертью, сидел художник. Он смотрел на замысловатые узоры, которые закручивал на стёклах мороз.

Из жизни насекомых.

В нашем доме поселились муравьи. Они деловито шарятся по углам, хватают, что-ни-попадая, и куда-то тащат. Это рыжие лесные муравьи, и на самом деле в доме они не селились. Дом у них свой, - по соседству. Это муравейник. Но хозяйство муравьиное не ограничивается одним муравейником. Их дом гораздо больше. Рядом с домом-муравейником растут молодые берёзки. На этих берёзках муравьи пасут своё стадо тлей. Одно маленькое стадо пасётся на крапиве. Ещё вокруг муравейника растут старые ели. Муравьи мчатся навстречу друг другу, вверх-вниз по шершавым еловым стволам, до самой макушки, разбегаются по размашистым веткам.

Муравьи забегают на огород, посмотреть – что там? Иногда им удаётся добыть большого толстого червяка.

Мы живём в доме, ходим на огород, ломаем веники из берёз, рвём крапиву на суп, качаемся в гамаке, подвешенном между ёлок, и собираем шишки. Муравьи не замечают нас. Им нет до нас никакого дела. Они и не знают, не думают о том, что мы реально существуем. Если кто-нибудь из нас наступает на муравьиную тропку, для муравьёв это – маленькое стихийное бедствие. Но не более. Несчастный случай на дороге.

Муравьи поселились на этом месте много раньше, чем был построен наш дом. Так в муравьином доме поселились люди.

* * * * *

Есть у рыжих лесных муравьёв родственники – маленькие чёрные мураши. Наверное, они земляные. Живут они где-нибудь под чем-то: под камнем, доской. Там у них яички, как в инкубаторе. А стоит приподнять укрытие – мураши разбегаются и утаскивают своё потомство в норки. Любят они поселиться под консервной банкой или даже корытом. Если нет под рукой подходящей банки или корыта – то делают мураши рыхлые такие, рассыпчатые домики из глины или песка. Чтобы домики не рассыпались, чаще делают их в кустике травы. Смотришь – такие холмики-кочки.

Попадают среди чёрных мурашей полностью пропащие граждане. Такие опустившиеся насекомые заполнили нашу кухню. Они ведут себя там так, как тараканы. Но едят исключительно сладкое. Не знаю, попадают ли на кухню уже деградированные субъекты, или они теряют совесть потом, побывав на кухне и отведав сладкого. Во всяком случае, они определённо имеют склонность к этому. Среди рыжих муравьёв таких отщепенцев я не встречал.

Видимо, когда у чёрных мурашей появляется в достатке сладости, они перестают думать о своей муравьиной работе. Живут на кухне, как тараканы, и никого не боятся. Один такой, самый опустившийся, опустился на дно сахарницы. Он совсем, видимо, одурел от счастья, - стал вместо чёрного каким-то прозрачным, а на брюшке - жёлтые полоски, как у осы. Если где-нибудь подтечёт варенье, то у мурашей - настоящее пиршество. Они лезут по спинам и головам, втаптывают нижних в варенье. И вообще ведут себя крайне неприлично.

Вообще любое изобилие развращает кого угодно. Даже муравьи теряют свой муравьиный облик. Впрочем, как ведут себя голодные муравьи - я не знаю.

Новая сказка:

Ты любишь смотреть сны?

А как ты думаешь, цветы и деревья - спят?

А сны они видят?

Интересно, какие сны видит сейчас сосна, например?

Хочешь узнать? А это очень просто - представь, что ты - дерево, сосёнка.

Итак, спокойной ночи, деревце!

И вот снится тебе тёплый дождичек, и щебет птиц в твоих ветвях. И тёплый весёлый ветерок, поиграв, запутался в кудрявых кронах!

А то приснится шум мотора. И визг пилы, удары топора.

Вздоргнут тогда деревья среди ночи, заскрипят в лесной чаще старые ели, затрепещут молодые осинки, и слышно, как потрескивают в морозном лесу стволы берёз.

Вот такие сны снятся, наверное, деревьям. А что приснилось тебе, когда ты была сосёнкой?

А представь теперь, что ты - цветок. Это совсем нетрудно, правда?

И видит цветок такой сон.

Снится тёплое солнышко.

Снится жужжистый шмель и лёгкие крылышки мотылька.

А ещё снится, как бежит по зелёному лугу босыми ножками какая-то девчушка, и вот видит она цветок, срывает его, и они уже вместе кружатся над поляной, порхают в одном хороводе с бабочками и стрекозами. И кружится голова от танца, и кивает тогда цветок во сне, раскачиваясь на тонкой ножке!

А потом снится ему, как стоит он в красивой вазе, возле зеркала.

Но короткие летом ночи, и цветку не суждено досмотреть свой сон до конца.

Снятся цветам и страшные сны, когда они, сорванные для забавы, валяются в пыли у дороги.

Тогда можно увидеть на цветках капельки слёз.

Но это плохой сон, и когда цветок проснётся, его слёзы превратятся в росу.

* * * * *

Дохнуло море синее – поднялось облако туманное. Полетело облако над равниной русской, полравнины накрыло. Долетело до Урала – зацепилось за Конжак. Рассердилось. Стало тучей серою. Повернулась туча, хотела съехать с горы – наползла брюхом на Хребет Уральский. Перескочить хотела – напоролась на Денежкин Камень. Стала туча раскачиваться на двух великанах, Конжаке да Денежкином, и расплескалась вся. Расплескалась да опрокинулась. Исцарапалась о гребёнку старых елей, повисла ключьями на кедровых лапах. Думала – придётся тут навсегда остаться. Наполнила реки до краю, напоила болота. Взмокли стены, дрова, заборы. Мы и не заметили за серой пеленой, как окрасился лес жёлтым, как полетел первый лист. Подул холодный ветер и пришла зима. Обернулась туча белым покрывалом и уснула до весны. Чтобы проснуться звонкими ручьями, придать земле новой силы, поспешить к океану и вернуться облаком обратно к нам. И я говорю: «До свиданья, речка, облако – привет!»

* * * * *

Осень нынче какая-то ленивая. Как старый грузовик, буксует на раскисшей дороге. А над домами висит туман. И прямо над трубами родятся то капельки дождя, то иголки снега. И неторопливо скатываются по крышам вниз. Снежинки задерживаются на травах, ложатся на доски. А капельки прячутся под листья, в душистую землю, вбирая в себя нежные запахи Осени, чтобы напоить ароматами весенние цветы и травы. А пока буксует Осень на старом грузовике по раскисшей дороге, за сопкой притаилась Зима. Там, на сопке, несколько дней уже лежит снег. Пока ещё нет морозов, Земля примеряет новые, белые наряды, не в силах отказаться от ярких осенних красок. Но замостит Зима морозом лужи, умчится Осень на старом грузовике, и запахнет Земля белым покрывалом. И, когда выглянет низкое, зимнее Солнышко, раскрасится покрывало ярчайшими цветными искрами. И будет пахнуть арбузной коркой. Будет тепло и уютно сидеть у раскрытой печки, поливать маслом квашеную капусту, хрустеть солёным грибом, и думать о лете, вспоминать осень, ждать весну.

* * * * *

– Как приходит весна? С говором ручья, с гомоном птиц, с зелёным гудом молодой листвы... Кажется, где-то я уже читал про это...

А как приходит зима? Тихо, пушисто, как кошка на мягких лапах. Никто и не заметит, а утром глядь из окошка – зима! Тихо, покойно всё. Только если ты в лесу, - слышно, как шелестят снежинки, падая сквозь ветки. А вот нынешняя зима не понять, что. То снегу насыплет да приморозит, то оттеплит да слякоть развезёт. А то дождём брызнет, да опять приморозит. Вот так, то валенки промочишь, то в сапогах ноги разъезжаются. Скользко. Срам. Будто куражится кто. Брякнется прохожий, - либо нос расшибёт, али ломает себе что, - вот весело! Машину крутанёт на дороге, грузовик в канаву спихнёт. Потеха! Ну и что это, зима, скажешь? - Срам. А того не знаешь, что я скажу. Кто зимой главнее всех? - Дед Мороз. Работы у деда – уйма! Всех спать уложить, снегом укрыть, озёра, реки замостить, да ещё, чтоб порядок был. Тут не до красоты. А без красоты – скучно. На то и внучка – помощница, Снегурочка. Уж чего только из снега она не поведумает. Всё нарядит, - красота! Вот любого спроси, - как зимой у нас? – Зимой у нас красиво, - скажет. А что холод, – так что говорить? Само собой. Холод – это благодать. Как же без холоду? Пропадёт всё, и картошка, и моркошка. Скиснет всё до весны, - у кого что есть. Мы с Морозом ладим. И Снегурку любим. А про то я не сказал, что есть у деда у Мороза внучек, - неслух и проказник, - Предзимок. Любит его Солнышко, Осень балует. А за баловнем – глаз да глаз нужен! Если доглядеть не умеешь, или не досуг, - то и не

балуи дитя! Вот нынче, завернул дед Мороз к леснику знакомому, да и просидел в избе у него чуть ли не весь ноябрь. Оставил внука без глазу. А как чаю то нахлестались, да байки все пересказывали, - засобирался Мороз дальше идти. Шубу запахнул, валенки с печки снял, сунул ноги. На крыльцо то вышел, – Ба! Куды ж в валенках идить? Ах Предзимок, вот проказник, опять с Солнышком заигрался, снова Осень бузкается с мальчишкой, уходить не хочет! Слякоть да сырость на дворе, и на шубу сверху каплет! Хоть сапоги да куртку у лесника проси. А ты видел деда Мороза в куртке да в сапогах? Срам! Крякнул дед, шапку нахлобучил, чтоб глаза не видели, и пошёл хлюпать валенками по дороге. С лесником забыл проститься. Шуба нараспашку, - душно. Посохом оземь стучит. Где стукнет, - там лёд, сучья инеем звенят, кора на деревьях лопается. Так и вломился дед Мороз в деревню. Треск такой стоял от досок, стен, настилов да заборов! Такой грохот слышался с озёр. Вот как лёд давило! А Предзимок уск~~о~~жал¹ к югу, там ему и место. Не то получил бы тумачков от деда. А тумачки у деда Мороза горячие, - затылок мёрзнет, чешется потом неделю. Но долго дед сердиться не любит. Тут Снегурочка подоспела, за дело принялась, красоту навела. А когда красота кругом, кто ж сердиться долго будет? Зимой только ленивый долго сердится, а у деда Мороза дел – вагон. Вон и Новый Год скоро!

---

¹ проверочное слово – «скок-поскок».

Взъём

Есть в местном словаре такое слово – «взъём». Это как идётся зимой на лыжах по снегу. Лыжи у меня короткие и поросшие мехом снизу. Так им теплее, а мне в горку идти легче. От этого меха, а ещё от того, что лыжи терпят со мною все невзгоды пути, они становятся живыми. Когда появляются новые лыжи – им говоришь – «здравствуйте, лыжи», и всё. Больше ничего не надо лыжам говорить. Эти у меня появились 5 лет назад. Они короткие, с меня ростом, широкие – в полторы моих ладони и мех у них олений. Лыжи эти ленивые немножко и очень терпеливые. На них никак не побегаешь. Можно только идти – чоп-чоп, чоп-чоп. А до этого у меня были лыжи с лошадиным мехом. Они были совсем другие. Быстрые, скользкие. Когда не очень холодно и не очень тепло – за ними не угнаться. Вниз под горку летят, как ошалелые. Летят – и кидают меня прямо в снег. А снегу – почти метр. И меня тоже – почти метр. Хорошо в снегу. Вылезать долго. Я тоскую по быстрым своим лыжам. Но, видно, в этих лесах роднее оленные.

Взъём зависит от состояния снега. От того, как проваливается и вытаскивается нога. Если почти не проваливаешься, то взём хороший. А бывает так, что проваливаешься, но вытащить ногу легко – снег не вязкий. Тогда взъём ещё ничего. А вот когда и не вытащить ногу и не поставить легко – тогда плохо дело – нету взъёма. А ты как непутёвый месишь одно место ногами и не двигаешься совсем.

Чтобы легче шлось, идти надо вдвоём. То один, то другой топчет лыжню. Правда, от меня в этом никакого толку, я иду –

не проваливаюсь почти. Тому, кто идёт сзади, всё равно приходится по новой лыжню делать. Даже когда идти легко, больше трёх километров в час по целине не сделать.

Когда идёшь вверх, лыжи ставишь часто и быстро-быстро переступаешь. Совсем не как на деревянных, когда надо лыжу в снег впечатать, чтобы не съехать вниз. На шерстяной лыже надо успеть не съехать, пока снег внизу не поехал вместе с лыжей. Конечно, легче, чем на беговых, но не слишком – весит-то каждая лыжа порядочно! Да и ботинок килограмма в два! Тяжело в горку. Лезешь.... А наверху – награда! Все веточки и иголочки в кухте, в инее то есть. Если ветра нет. А если ещё солнце....

Когда становишься вскипятить чаю, лыжу можно снять и перевернуть, и сесть на неё. И чашку поставить, чтобы не провалилась в снег. Только сильно разогревать лыжу нельзя – снег будет липнуть. Тут нельзя простыть – ведь мокрый, хоть выжимай. И всё равно с чаем хорошо. Если весь день идти – то обязательно чаю скипятить надо. Иначе после трёх-четырёх часов переключаешься на «ближний свет» и ничего не видишь. Видишь, но всё равно делается. И не пойдёшь разбираться – куница след оставила, или белка прыгала. А зайцев не запишешь. И не заметишь, с какого расстояния вспорхнула тетёрка. И не остановишься снег потрогать на следу росомахи. И все топтания тогда насмарку.

Не надо в лесу торопиться.

БОЛОТО

Февраль. На Шарпу тропили рысь. На вырубке потеряли след. Рысь всё петляла, тропить её – сущее издевательство. Она всё время ходит то по брёвнам, то под кустами. Чтобы тропить рысь, легче быть рысью. Или росомахой. Мы однажды шли и думали – кто шёл – рысь, или росомаха. Следы у них похожи, а манера ходить – нет. И никак не могли разобрать. Оказалось – шла рысь, а следом за ней – росомаха. И пока следы не разошлись – я гадала – кто это идёт? Эти обе шли к тому же по старой лыжне. Наши лыжни для многих животных в лесу – как трамвайные маршруты – прыгнул и доехал. А без лыжни бы и не поехал, может. А если рысь без лыжни идёт, то за ней ползти надо, или непрерывно обходить буераки и чащи.

Вечером перебрались на Шегультан – должна за нами прийти машина. Завтра нам надо быть в городе. Завтра последний день перед «круглым столом» в защиту Шемура. На кордоне Шегультан немного обсушились, прогрелись, супу поели. Ждём машину. В девять вечера решаем выходить пешком – завтра нам обязательно надо быть в городе! Идти здесь часа четыре-пять – напрямик, по болоту можно срезать. Кое-что из вещей оставили на кордоне – скоро февральские учёты, заберём, и пошли почти налегке. Конечно, не быстро шлось – сегодня ведь и тропили, и с Шарпа пришли. От усталости шли как-то «на автомате». Меня в горку тянула Кумба – всё легче. Поднялись на последнюю горку над озером – и даже при скудной луне увидели внизу белое молоко тумана над болотом и озером. С горки мы опустились в этот туман. Туман был такой густой и плотный, что его было видно. Мы

попали в другое измерение, в другую страну. В ней не было Шемура, не было учётов. Не было кордона сзади и дома впереди. Не стало даже усталости. Остался один туман, да лыжный след. Чахлые болотные сосны одна за другой исчезали в тумане и не осталось совсем ничего вокруг. Так было тихо, вернее – не тихо. В этом мире просто не было звуков. Такого понятия не было. Я не знаю, сколько мы жили в этом мире. Мы двигались по нему – шли вроде. Времени-то в мире тоже не было. И расстояний. Только их тумана вдруг стали проявляться сосны – маленькие, что растут на болоте. Потом проявились ели, окружающие болото. И туман нас отпустил. Он нас держал ровно столько, сколько надо было – нельзя нас раньше было выпустать, и держать дольше тоже слишком много чести. Мы вышли на край деревни и я в свете фонарей увидела, что туман нас пометил. У Кости всё лицо было в густом инее, а собака была как белое привидение. Интересно, какой он меня сделал?

Мы пришли в остывший дом, затопили печь. Завтра поехали в город делать последние приготовления к приезду разных специалистов. Послезавтра у нас «круглый стол» – на хребте Шемур хотят добывать медь. А хребет очень близко от заповедника. Очень хочется не допустить разработку, но это земля не наша. Не наша – значит, не сможем защитить. Если не убедим Город не допускать этого.

ЛЕС

А помнишь, как мы от Сольвы шли на Еловский, картировать площадку с пионами? В те полевые нам очень повезло с погодой. Было так жарко, что комаров было мало. На Сольве, когда картировали луг, можно было работать без накомарников. Июнь, цвели купальницы и вся Сольва была жёлтая и пахла апельсинами. А горы – белые, снега очень много в горах. На второй день пути от Сольвы, когда мы шли по хребту вверх, пошли прямо по новой просеке, хотели посмотреть, как обустроивали лес пермские таксаторы. Надо было определить, по какой из просек теперь идёт граница. Неудачный был день для экспериментов – груза у нас многовато было. Кроме инструментов, несли ещё и покрытие для новой избы на хребте.

Лес в этом районе заповедника обалденный. Однажды мой знакомый сказал про заповедный лес – «Какой лес грязный». Он привык к окрестностям Базарного Карабулака в Саратовской области, где чистый сосновый бор, и всё, что лежит – вынесено, а всё, что растёт, съедено скотом. Так вот – этот лес просто фантастически, непролазно грязный. Лесники-промышленники говорят – «Там лес пропадает». Этот лес пропадает уже столетиями. И столетиями грязный. Лес этот – первобытный, или климаксный. Значит, не махала здесь рука человека топором и значит, лес здесь разновозрастный. Стоят тут огромные старые деревья – те, что «пропадают». А пропав – падают. И лежат, пока на них не начинает расти новая поросль. Часто семечкам до земли добраться трудно в таком лесу – вот и растут в ряд деревья на полусгнившем стволе. И растут там

также деревья помоложе, это те, что скоро будут пропадать, и совсем молодые – у них ещё есть шанс пойти на пользу человеку. Но только не в заповеднике. Тут пропадут! А трава в этом лесу мне по подбородок. Почва влажная – вот и трава большая. Растут здесь папоротники, чемерица и аконит. На полянах – купальница. Иногда попадаются огромные кусты пионов. Через всё, что в этой огромной траве лежит, приходится перелезть – если будешь обходить, сразу просеку потеряешь.

Я давно заметила, что через ноги всё лучше доходит, чем через глаза. Вот и тебе повезло увидеть это лес ногами. Если бы я тебя привела сюда ненадолго, ничего бы ты про него не поняла. Однажды в таком лесу мы шли с профилем пять километров семь часов. Ползли, точнее.

К вечеру, найдя нужный нам квартальный столб, взяли резко на восток – на хребет. И скоро выскочили в тундру. Это тебе была награда. Тундра – почти ровная, мягкая. Вся пятнами – то лишайник, то кустарнички. Это медведь время от времени переворачивает целые пласты растительности в поисках корешков и насекомых – вот и получаются пятна в тундре. Ещё увлажнение разное. Устроившись на ночлег, мы побежали смотреть закат солнца – дни нынче длинные. Помнишь тот закат? Конечно, помнишь. С одной стороны – Денежкин, с другой – все пермские горы – всё на ладони. Прямо перед закатом всё стало каким-то розовым. И Лес кругом.

Сто, тысячу лет назад – также было.

